

БЫТЬ ПРИНЦЕССОЙ

Ольга
Романова

Сон юности

Записки дочери
Николая I

Ольга Романова

**Сон юности. Записки
дочери Николая I**

«Алисторус»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

Романова О. Н.

Сон юности. Записки дочери Николая I / О. Н. Романова —
«Алисторус»,

ISBN 978-5-906979-70-4

«... невозможно было представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность. Она очень стройна, с прозрачным цветом лица, и в глазах тот необыкновенный блеск, который поэты и влюблённые называют небесным, но который внушает опасение врачам»(Фридрих Гагерн об Ольге Николаевне)Фрейлины недоумевали: «Как, в девятнадцать лет все еще не замужем?». Претендентов на руку принцессы было немало, но сердце ее тосковало по любви. Император разрешил любимой дочери следовать зову сердца, но лишь в 1846 году, пережив несколько любовных драм, чуть-чуть не пошатнувших благоденствие царской семьи, в Палермо, двадцатичетырехлетняя принцесса повстречала Карла Вюртембергского и согласилась стать его женой. Накануне свадьбы Император пожелал дочери: «Будь Карлу тем же, чем все эти годы была для меня твоя мама». Так и произошло. Долгие годы правления их семью по праву считали образцом семейного счастья. На исходе своей жизни Ольга Николаевна решила записать воспоминания о безумных днях своей юности.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-906979-70-4

© Романова О. Н.

© Алисторус

Содержание

От издателя	6
От автора[1]	8
1822–1830 годы	9
1831 год	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ольга Романова

Сон юности. Записки дочери Николая I

От издателя

В 1846 году дочь Николая I, великая княжна Ольга Николаевна, вышла замуж за принца Вюртембергского. Принц наследовал королевскую власть и с 1864 года стал королем Вюртембергским Карлом I, Ольга – королевой Вюртембергской.

На склоне лет королева Вюртембергская постаралась упорядочить свои воспоминания. Результатом ее труда стал мемуарный документ эпохи. Это не просто мемуарный документ. Это свидетельство о том воспитании, которое свойственно было России XIX века. Мемуары дочери Николая I – Ольги Николаевны – это, по сути, дневник девушки, говоря современным языком – блог. Первое, что в нем бросается в глаза, – огромная разница чувств, отношения к окружающему миру, к окружающим людям девушки XIX века и того восприятия мира, которое мы видим сейчас в наших современниках.

Это Россия, которую мы потеряли.

Королева Ольга прожила 70 лет и умерла в своем замке Фридрихсхафен в 1892 году, уважаемая и любимая всем вюртембергским народом, по свидетельству авторов предисловия к парижскому изданию ее мемуаров.

Портрет Ольги Николаевны Романовой. Художник – Франц Ксавер Винтерхальтер. 1856 г.

Ольга Николаевна (1822–1892) – дочь императора Николая I и императрицы Александры Федоровны, жена Карла I, короля Вюртембергского.

«...Вторая великая княжна, Ольга Николаевна, любимица русских; действительно, невозможно представить себе более милого лица, на котором выражались бы в такой степени кротость, доброта и снисходительность...»
(Фридрих Гагерн)

От автора¹

Дорогие дети! Возможно, что в один прекрасный день, когда вы подрастаете, вы захотите узнать, какова была юность вашей Бабушки в далекой стране, которая является также и родиной вашей матери. Возможно, что тогда уже не будет в живых никого из тех, кто жил вместе со мной, чтобы рассказать вам об этом.

Я постараюсь собрать свои воспоминания в одно целое, чтобы вы узнали, какой счастливой была моя юность под кровом отцовской любви.

Мое желание – вызвать в ваших сердцах любовь и почитание к памяти наших родителей, которых мы не перестанем любить и благословлять до нашего смертного часа. Им мы обязаны жизнью в драгоценном семейном союзе, который представляет собою единственное счастье на земле. Сохраните мой рассказ о нем неискаженным, чтобы отсвет этого тепла согревал вас всю жизнь! Этого желает вам ваша старая Бабушка Ольга.

Штутгарт

Начато в январе 1881 года

Закончено 18 января 1883 года

¹ Русский перевод сделан баронессой Марией Бурхардовой Беннинггаузен-Будберг.

1822–1830 годы

30 августа 1822 года у Мама́ родилась девочка, которую назвали Ольгой. Пушечный салют, возвещавший стране о моем рождении, смешивался со звоном колоколов по случаю празднования дня памяти св. благоверного князя Александра Невского.

Мое появление было таким неожиданным, что Бабушка (императрица Мария Федоровна), срочно вызванная из Таврического дворца, нашла меня уже лежащей в постельке моего брата Александра, так как не было даже времени приготовить мне колыбель и пеленки. Я родилась третьей и увидела свет в Аничковом дворце в Санкт-Петербурге. До меня родились: Александр в Москве в день Св. Пасхи, 17 апреля 1818 года, и Мэри, родившаяся в Павловске в день Преображения Господня.

Во время моего появления на свет император Александр I был на конгрессе в Вероне, последнем в своем роде, на котором монархи и министры сошлись вместе, чтобы обсудить европейские вопросы. По своем возвращении государь привез мне, как подарок к крестинам, бокал из зеленой эмали и такую же чашу, которые я храню до сих пор. Когда он снова увидел Мама́ во всей прелести ее юности, с ребенком на руках подле отца, смотревшего на нее с гордостью и любовью, бездетный государь был необыкновенно тронут и сказал: «Было бы ужасно и непростительно, если когда-либо в жизни один из вас разочарует другого. Верьте мне, существует только одно истинное счастье – семья. Берегите ее священный огонь».

Императора Александра я помню совсем смутно. Родители мои его обожали, отец всегда называл его своим благодетелем. Он часто приходил к нам отдыхать от государственных забот и хорошо себя чувствовал в нашем тесном кругу, в котором все, благодаря Мама́, дышало миром и счастьем сплоченной семейной жизни, так болезненно недостававшей ему. Государыня (императрица Елизавета Алексеевна), бездетная и тяжело больная, уже долгое время не разделяла своей жизни с императором.

Я не осталась последним ребенком у родителей. Мне не было еще и года, как Мама́ снова ждала ребенка. В том, 1823-м, году вводилась в Гатчине в общество великая княгиня Елена Павловна, в то время принцесса Вюртембергская – невеста великого князя Михаила Павловича. Мама́, на девятом месяце ожидания, была так взволнована ее предстоящим дебютом, вероятно, вспоминая себя саму десять лет назад, что стала нервно плакать. Золотой пояс, усеянный камнями, бывший в тот день на ней, не успели достаточно быстро распустить, и он причинил ей сильное ущемление. В ту же ночь она разрешилась мертвым сыном и тяжело захворала. Как только ее можно было перевезти в город, отец пообещал ей, чтобы несколько ее подбодрить, поездку в родной Берлин. В июле родители отправились в Доберан в Мекленбурге, чтобы полечиться укрепляющими ваннами, а осенью проехали оттуда в Берлин. Там в то время принц Антон Радзивилл устраивал свой знаменитый маскарад «Лалла Рук», о котором потом еще долго говорили как о верхе светского блеска и хорошего вкуса.

Новая беременность Мама́ положила конец этим развлечениям, и, невзирая на просьбы короля Фридриха Вильгельма III, своего отца, Мама́ с Папа́ возвратились домой в Россию, так как предпочитали свой собственный дом всякому другому.

12 июня 1825 года родилась всеми любимая наша сестра Адени (Александра), наш луч солнца, который Господь дал нам и которую Ему было угодно так рано опять забрать к Себе! Но об этом речь будет позднее. Адени родилась в Царском Селе, где государь радушно предоставил в распоряжение моих родителей свой дворец. Там же происходили последние разговоры с императором, в которых им впервые было упомянуто слово «отречение». В августе он отбыл в Таганрог, куда уже раньше проследовала государыня. После заблуждений юности их души снова сошлись в молчаливом прощении в часы тем более знаменательные, что государыня Елизавета Алексеевна знала, что ее дни сочтены. Никто не подозревал тогда, что госу-

дарю суждено умереть до нее и что из этой поездки он уже не вернется. Об этой неожиданной смерти, унесшей его так скоро, поползли всевозможные слухи, например, что он будто бы был отравлен. Они были неправдоподобны, но внутривластительское напряжение в этот момент помогло им зародиться. То сильное влияние, которое государь приобрел в Европе после крушения Наполеона, он использовал вначале в либеральном направлении и носился с мыслью уничтожить крепостное право в своей стране. Однако, осознав опасность деятельности революционных тайных союзов, он все больше и больше склонялся к политике Меттерниха и отказался от всех своих планов реформы. Насколько обоснованно было его настроение, доказывает бунт декабристов вскоре после его смерти.

Подготовленный тайными союзами молодых гвардейских офицеров, будто бы заступавшихся за права на трон великого князя Константина Павловича (отрекшегося в пользу брата), этот бунт имел целью введение конституции. Заговор был тотчас же подавлен, пять предводителей казнены, а остальные участники сосланы в Сибирь. Это было мрачным началом при вступлении на трон моего отца.

Как известно, у императора Александра I не было сына. Во время его царствования наследником считался второй сын императора Павла I, Константин Павлович. Последний был короткое время женат на великой княгине Анне Федоровне, принцессе Саксен-Кобургской, не жил с ней с 1801 года и разведен в 1820 году. Тогда же он женился морганатически на польской графине Грудзинской, которой государь даровал титул княгини Лович. Из любви к ней Константин Павлович отказался от престола, который, таким образом, предназначался третьему сыну императора Павла I, Николаю Павловичу.

Обстоятельства бунта декабристов 14 декабря 1825 года слишком известны, чтобы передавать их подробно, тем более что я хочу рассказать только о том, что сама помню. На меня произвели глубокое впечатление въезд траурной колесницы с телом государя, траурные наряды, что-то непонятное, скрывающееся за черными покрывалами. Все это поразило меня гораздо сильнее, чем беспокойство и горе людей. Длинное шествие, знамена, делегации, процессии детей, герольды в средневековых одеяниях, мрачная роскошь поразили мое детское воображение, и эти картины перемешались с грустью последующих дней.

14 декабря мы покинули Аничков дворец, чтобы переехать в Зимний, входы которого можно было лучше защищать в случае опасности. Я вспоминаю, что в тот день мы остались без еды, вспоминаю озадаченные лица людей, празднично одетых, наполнявших коридоры, Бабушку с сильно покрасневшими щеками. Для нас устроили наспех ночлег: Мэри и мне у Мама́ на стульях. Ночью Папа́ на мгновение вошел к нам, заключил Мама́ в свои объятия и разговаривал с ней взволнованным и хриплым голосом. Он был необычайно бледен. Вокруг меня шептали: «Пришел император, достойный трона». Я чувствовала, что произошло что-то значительное, и с почтением смотрела на отца. В течение этой зимы нас два раза в день водили через длинные коридоры в покои, которые занимали наши родители в Эрмитаже. Мы видели их лишь изредка на короткие мгновения. Затем нас опять уводили. Это было время допросов. С одной стороны приводили арестованных, с другой приезжали послы и высочайшие особы, чтобы выразить соболезнование и принести свои поздравления. Мы же, бедные, маленькие, очень страдали оттого, что были так неожиданно удалены от жизни родителей, с которыми до того разделяли ее ежедневно. Это было как бы предвкушение жертв, которые накладываются жизнью на тех, кто стоит на высоком посту служения своему народу.

В августе 1826 года нас отправили в Москву с флигель-адъютантом Василием Перовским. Поездка продолжалась девять дней. Мне было в то время четыре года, и впечатление от нее осталось самое пестрое.

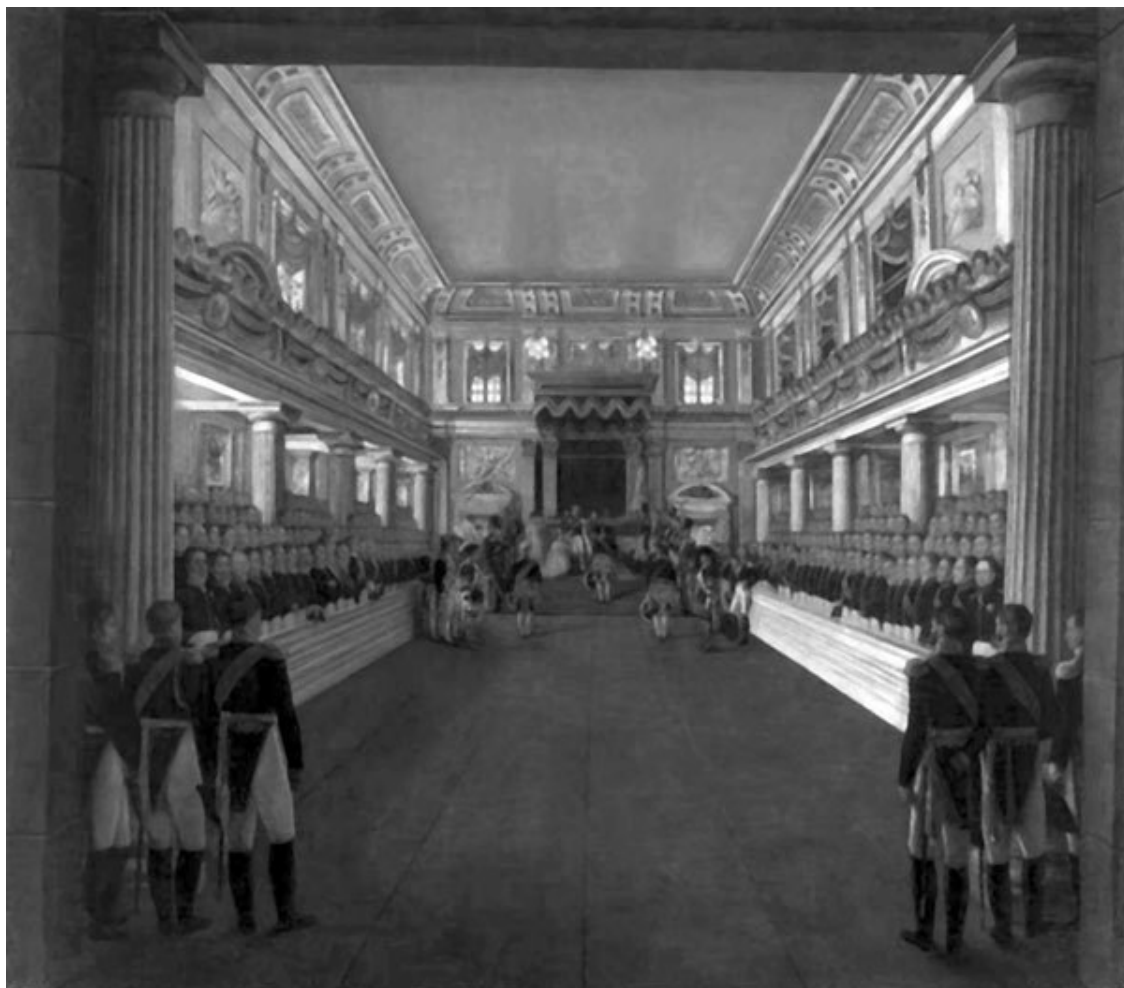
Шоссе не существовало, только одни проселочные дороги с брусьями с правой стороны, воткнутыми просто в песок. Так мы тогда путешествовали! В Новгороде я впервые увидела женский монастырь. Игуменья Шишкина была восприемницей Мама́ во время ее перехода в

нашу веру. В Торжке пользовалась заслуженной славой, благодаря своим действительно превосходным котлетам, некто мадемуазель Пожарская. В Вышнем Волочке мы проехали каналом и осматривали шлюзы. В Твери мы с почтением посетили дворец, где жила великая княгиня Екатерина Павловна и где Карамзин читал ей свои первые труды по истории России. Там же мы видели комнату, в которой в 1812 году умер принц Георгий Ольденбургский, ее муж, жертва своих неустанных посещений госпиталей. Наконец Москва. Кремль! Мое сердце билось. Пожар 1812 года, героическая борьба наших храбрецов – как близко было еще все это! Тогда я впервые и еще неясно ощутила, что значит Россия, Отечество.

Я была еще слишком мала для того, чтобы присутствовать на коронации родителей в соборе, и могла видеть только отблеск пышного торжества в Грановитой палате, где Их Величества сидели на тронах и обслуживались высшими сановниками, в то время как остальные гости и члены дипломатического корпуса стояли и, принеся свои поздравления, пились с бокалами шампанского в руках. Вокруг нас – необычного вида женщины в восточных одеяниях: татарки, черкешенки, жительницы киргизских степей. Все это было ново и непривычно. Восток, его люди и обычаи – все это привлекало любопытство чужеземцев и создавало вокруг древнего города, с его золотыми куполами и причудливыми башенками, блестящий ореол.

Недели пролетели в празднествах и развлечениях. Мама, принужденная беречься из-за своего хрупкого здоровья, приняла любезное приглашение графини Орловой-Чесменской переехать на ее дачу в пригороде Москвы. Там дышалось привольным деревенским воздухом, там можно было свободно бегать по саду, без того, чтобы собиралась толпа и приветствовала нас криками «ура!».

В сентябре, в день Св. Елизаветы, полкового праздника кавалергардов, Мама впервые, как шеф этого полка, принимала парад. Она была и польщена и сконфужена, когда Папа скомандовал «На-караул!» и полк перед ней продефилировал. Это было и неожиданно и ново. Папа умел придать нужную раму общественному почитанию своей супруги, которую он обожал. Музыка играла марш из «Белой дамы», в то время модной оперы, и этот марш стал, в память этого события, полковым маршем.

«Коронация императрицы и королевы Александры Николаем I в Королевском замке в Варшаве 24 мая 1829». Художник – Антоний Бродовский. 1829 г.

Следующей осенью, 9 сентября 1827 года, родился Константин, второй, долгожданный сын. Он родился уже как сын императора, в то время как мы, старшие, родились еще детьми не венчанного на царство отца. К крестинам нам завилы локоны, надели платья-декольте, белые туфли и Екатерининские ленты через плечо. Мы находили себя очень эффектными и внушающими уважение. Но – о разочарование! – когда Папá увидел нас издали, он воскликнул: «Что за обезьяны! Сейчас же снять ленты и прочие украшения!». Мы были очень опечалены. По просьбе Мама́ нам оставили только нитки жемчуга. Сознаться? В глубине своего сердца я была согласна с отцом. Уже тогда я поняла его желание, чтобы нас воспитывали в простоте и строгости, и это ему я обязана своим вкусом и привычками на всю жизнь. Одеваться было мне всегда скучно. Мама́ или гувернантки заботились вместо меня об этом, и только будучи замужем, чтобы понравиться моему мужу, я научилась украшаться, и то только оттого, что мне было приятно, если Карл находил меня красивой и хорошо одетой.

После смерти государыни Елизаветы Алексеевны, супруги императора Александра I, Мама́ стала во главе всех отечественных женских институтов. Во время строительства одного из домов, для этого предназначенных, детей поместили в Александровском дворце в Царском Селе. Мы часто ходили туда и играли и танцевали на газонах с девочками. Нам сшили форменные платья, какие носили они, коричневые камлотовые с пелеринками, передниками и нарукавниками из белого перкаля, нас поставили между ними по росту. Бабушка, которую мы хотели этим удивить, уверяла, что она нас не узнала, подняла меня за подбородок и спросила, как моя фамилия. Начальница, госпожа фон Вистенгаузен, немного сгорбленная, с нежными

чертами лица и выражением печали и страданий, завоевала наши сердца. Дочь, оставшаяся ей после четырех схороненных детей, выглядела, как все больные и слабогрудые, прозрачной. Мама послала ей своего врача, ослиное молоко и оказывала ей всевозможное внимание. Но все было тщетно: она угасла некоторое время спустя. Мать пережила ее, еще более согбенная и еще больше покорная, добрый гений дома.

В 1828 году была объявлена война с Турцией. Папа последовал за войсками на Юг, Мама переселилась в Одессу, чтобы быть поближе к нему. Она взяла с собой только Мэри. Мы, четверо остальных, оставались в Павловске под крылышком государыни-матери. Дядя Михаил Павлович, брат отца, был также в армии, а тетя со старшей дочерью² – в Италии. Бабушка приходила уже с утра, со своей гобеленовой вышивкой, в маленький деревянный дворец, садилась в детской и принимала там доклады, в то время как мы всюду резвились. Она изучала наши склонности и способности; Адини, проказница и ласковая, была «*le bijou*»³, кузина Лилли⁴, очень прямая, немного вспльчивая и похожая на мальчика, звалась ею «честный человек», я, скорее сдержанная и застенчивая, получила от нее прозвище «хорошая и спокойная Олли», а в один прекрасный день – «Председательница доброго Совета для Семьи». Я вспоминаю себя неразговорчивой, не слишком живой и резвой, но, невзирая на это, мои младшие сестры и братья меня любили. Мне постоянно приходилось быть судьей, когда они ссорились, и без лишних слов мне всегда удавалось восстановить мир. Любимцем между нами был, несомненно, наш Саша, «*L'Angelo sympathico*»⁵ отца, как называла его Бабушка.

Она была очень деятельной. Каждую неделю ездила в Санкт-Петербург, чтобы навещать институты и госпитали, отдыхала немного в Смольном у старушки Адлерберг, своей лучшей подруги после княгини Ливен. Если приходила хорошая весть с театра военных действий, Бабушка заказывала обедню в Казанском соборе и ехала туда в золоченой карете, сопровождаемая своим маленьким внуком Сашей в гусарской форме. Никогда не забывала она привезти нам с собой гостинец. У меня до сих пор хранится привезенный ею браслет с камеей, изображающей отца.

С некоторых пор я перешла из ведения английской няни на попечение гувернантки Шарлотты Дункер, шведского происхождения и протестантского вероисповедания. Она не знала иной родины, как шведский монастырь в Санкт-Петербурге, в котором она девять лет была ученицей и девять лет учительницей. Образованная и строгая, она внушала мне уважение к работе. В пять лет я могла читать и писать на трех языках. Что же касается музыки, то тут ее строгость не повлияла на успехи. Тетя Мария Павловна Веймарская (сестра Папа), которая присутствовала на уроке, посоветовала оставить рояль: «У нее нет способностей», – сказала она. Я была необычайно горда, доказав ей в 1843 году противоположное, когда уже играла наизусть, что от меня требовалось, и аккомпанировала графине Росси (Зонтаг), когда она пела.

Моя кузина Августа Веймарская (теперь императрица Германская) провела это лето 1828 года вместе со своей матерью в России; ей было только шестнадцать лет, но она уже появлялась в обществе, хорошенькая девочка с ямочками, скорее пикантная, чем красивая. В Петербурге предпочитали красоту ее сестры Марии. Но Бабушка и некоторые господа придворные нашли, что у Августы есть уже и оригинальные идеи, несмотря на ее воспитание при маленьком немецком дворе, с его узостью, сковывавшей даже повседневные разговоры и не допускавшей ни малейшего послабления этикета. В один прекрасный день, когда она была уже императрицей (супругой императора Вильгельма I), она рассказывала мне, сколько трудов ей стоило быть естественной при ее странном воспитании.

² Великая княгиня Елена Павловна, старшая дочь – великая княжна Мария Михайловна (1825–1846).

³ Сокровище (*фр.*).

⁴ Великая княжна Елизавета Михайловна (1826–1845).

⁵ Добрый ангел (*ит.*).

В октябре захворала Бабушка. Заботы об обоих сыновьях в действующей армии подорвали ее здоровье. Взятие крепости Варна затянулось, когда же наконец произошло ее падение – это было ее последней радостью. Она, не знавшая в течение 69 лет ни усталости, ни нервов, стала жаловаться на усталость. Ее старый врач, доктор Рюль, только качал головой. Папá, извещенный об этой необычайной слабости, точно предчувствуя грозящую катастрофу, поспешил из Одессы, чтобы присутствовать при дне ее рождения 14 октября. Мы были у обедни в маленькой часовне Зимнего дворца, когда раздался его голос в передней. Мы бросились ему навстречу. Мама́ за нами, через несколько минут мы все вместе опустились на колени вокруг кресла больной. «Николай, Николай, неужели это ты?» – воскликнула государыня, схватила его руки и притянула его к себе на колени. Никто не знает, почему и когда картины сплоченной семейной жизни запечатлеваются в детском сердце и когда они снова встают и захватывают его. Подробности эти кажутся незначительными, но как они сильны и негасимы! Такой осталась в моем сердце эта картина: Папá на коленях своей матери, старающийся сделать себя маленьким и невесомым.

Десять дней спустя, 24 октября 1828 года, государыня-мать скончалась в Зимнем дворце. Щедрость ее сердца превышала ее остальные качества. Добродетельная при дворе, который разрешал все, верная супругу, который жил своей собственной жизнью, мать, окруженная уважением и подчинением, она, как монархиня, заботилась об улучшении правления. С необычайной прозорливостью, например, привела она в порядок управление финансами России, создала в России первую Ссудную кассу, дававшую гарантии, и для доверия широкой публики она поместила туда свое и своих детей состояние.

После ее кончины Мама́ в тридцать лет стала во главе управления, которое помимо женских и воспитательных учреждений включало еще и промышленные предприятия, в свою очередь дававшие капитал для содержания приютов. Мама́ писала Софии Бобринской: «Мысль о том, что я должна заменить нашу любимую матушку, такую энергичную и деятельную, давит меня: я такая слабая, не созданная для того, чтобы повелевать». Мама́ была совершенно иной, сравнивать их обеих было невозможно. В то время как одна была повелительницей, другая брала простотой и своею прелестью и скромностью. Казалось, что Мама́ говорила: что мы будем делать без государыни-матери! Помогите мне! И каждый был готов сейчас же оказать ей всяческое содействие.

В 1828–1830 годах мои родители жили в Варшаве из-за предстоявших там торжеств коронации и открытия Сейма. Саша сопровождал родителей в Варшаву, а потом в Берлин, где он был представлен своему деду, королю Фридриху Вильгельму III.

Портрет Марии Николаевны Волконской. Неизвестный художник. 1820-е гг.

Княгиня Мария Николаевна Волконская (1805–1863) – дочь героя Отечественной войны 1812 года генерала Николая Раевского. В январе 1825 года вышла замуж за будущего декабриста Сергея Волконского.

«... как бы то ни было, она была одной из первых, приехавших в Сибирь разделить участь мужей, сосланных в каторжную работу...»
(Евгений Якушкин)

Мы оставались в Царском Селе, под надзором княгини Волконской, незначительной и очень некрасивой женщины, и князя Александра Голицына, старого друга семьи и бывшего пажа императрицы Екатерины Великой. Его благодарная память сохранила все картины той эпохи, он был неистощимый рассказчик анекдотов, умел их хорошо рассказывать, и мы не уставали его слушать. Я искренне сожалею, что никто в нашем окружении не догадался запи-

сать его рассказы. Это были бы прекрасные комментарии к эпохе великой императрицы Екатерины.

Обедали мы всегда вместе. Маленького роста, в сером фраке, с палкой в руках и флаконом венгерского вина в кармане, появлялся он каждый вторник у моих родителей. Он любил все розовое, женщин в ожидании и табакерки, которые он собирал. Его салоны были увешаны портретами из времен Петра Великого и Екатерины II. В его доме была часовня, освещавшаяся через купол из желтого стекла, что всегда придавало ей вид залитой солнцем. Он жил уединенно, вдали от света, всегда был озабочен своим здоровьем и окружил себя друзьями, разделявшими его мистически-религиозные взгляды. Подобные настроения разделял с ним император Александр I, бывший под сильным влиянием знаменитой баронессы Крюднер. Князь Голицын просил своих друзей честно сказать ему в старости, когда его ум начнет слабеть, для того чтобы вовремя от всех удалиться. Впоследствии я часто слышала повторение другими этой просьбы, но как-то никто не считался с намерением ее действительно выполнить, князь же Голицын по собственному побуждению вовремя удалился от света. У него было поместье в Крыму, и там он закончил свое земное существование. Ему грозила слепота, но с христианским смирением выдержал он операцию катаракты и благодарил от всего сердца Господа, когда снова смог увидеть свои горы, море и колодцы, расположенные крестообразно. Его последние годы были заполнены добрыми делами и чтением духовных книг.

Но возвратимся опять к нашему детскому столу, за которым он бывал ежедневно, пока родители отсутствовали. Моя сестра Адина приветствовала его, она изображала хозяйку, принимавшую гостей, и оживленно болтала с ним. Ей и мне он подарил альбом с литографиями и подписался под посвящением «Prince aux Tabatieres»⁶.

Он вел дневник о нас, который еженедельно посылался Папá. Тот отвечал со следующим фельдъегерем, письмами, на краях того же листа. Я не знаю, сохранились ли эти письма; они были снабжены рисунками и полны шуток.

В июле 1824 года воспитателем Саши был назначен Карл Карлович Мердер. Он был рожденный педагог, тактичный и внимательный. Правилom его работы было развить хорошие черты ребенка и сделать из него честного человека. И этому правилу он оставался верен совершенно независимо от того, был ли его воспитанник простым смертным или великим князем. Таким образом он завоевал любовь и доверие ребенка. Он не признавал никакой дрессировки, не подлаживался под отца, не докучал матери, он просто принадлежал семье: действительно драгоценный человек! Никто из тех, кто окружал нас, не мог с ним сравниться. Судьбе было угодно, чтобы он не дожил до совершеннолетия Саши. Он умер в Риме в 1834 году.

Карл Карлович очень любил меня, маленькую и застенчивую. Он точно оценил искренность моих побуждений и взглядов: «Что она говорит, то она и делает: человек слова». Это определение принесло мне счастье.

Что же касается Жуковского (крупнейшего русского поэта), Сашиного второго воспитателя, этот был совершенно иным: прекрасные намерения, планы, цели, системы, много слов и абстрактные объяснения. Он был поэт, увлеченный своими идеалами. На его долю выпала незаслуженная слава составления плана воспитания наследника престола. Я боялась его, когда он входил во время урока и задавал мне один из своих вопросов, как, например, во время урока Закона Божия: «Что такое символ?». Я молчу. «Знаете ли Вы слово „символ“?» – «Да». – «Хорошо, говорите!» – «Я знаю символ Веры, „Верую“». – «Хорошо, значит, что обозначает символ Веры?» Мне сейчас 59 лет, но этот вопрос привел бы меня и сегодня в смущение. Что могла ответить на это девочка! Жуковский читал выдержки из того, что он написал о воспитании, нашей Мама́, которая после таких длинных чтений спрашивала его просто: «Что вы, собственно, хотите?». Теперь был его черед молчать. Я склонна признать за ним красоту

⁶ Принц табакерок (*фр.*)

чистой души, воображение поэта, человеколюбивые чувства и трогательную веру. Но в детях он ничего не понимал.

При выборе учителей считались с советами пастора Муральта, возглавлявшего лучшее частное учебное заведение Петербурга. Благодаря прекрасным преподавателям и Мердеру с его практическим умом, влияние Жуковского не принесло нам вреда. Потом, после того как он женился на Елизавете Рейтерн, я полюбила его. Благодаря ей он встречался со строгим протестантом Рейтерном и пылким католиком Радовицем. Он сам, православного вероисповедания, был малосведущ в делах своей церкви. Он стал изучать православие, чтобы быть достойным противником в дискуссиях с ними. В то время Радовиц напечатал свой чудесный диалог о присутствии Господа Бога в государстве и церкви.

В то лето, когда у нас появился Мердер, Папá подарил нам остров около Петергофа. Саша и товарищи его соорудили там дом из четырех комнат с салоном, мы таскали кирпичи и делали дорожки через кустарники, где до тех пор жили только одни кролики. Нам подарили лодки для того, чтобы мы научились грести. Матрос следил за нашей маленькой гаванью и учил нас морским обычаям. В кухне мы готовили настоящие обеды – я сама умела только тереть корицу для молочной каши. Небольшое возвышение было названо «Мысом Доброго Саши», в этом видели счастливое предзнаменование.

По возвращении наших родителей в Петергофе была освящена Александровская дача, Александровский Летний дворец. Участок – бывшие огороды стоявшего в Петергофе полка – был подарен моим родителям императором Александром I, знавшим их любовь к морскому побережью. Дом был снаружи совсем простой, в английском стиле, внутри же все отделано прекрасной панелью в старинном готическом стиле, во вкусе того времени, как это можно было прочесть в романах Вальтера Скотта или в рейнских средневековых сказаниях.

Осенью мы жили в Аничковом. Там мои родители находили снова тихий покой своей молодости, который они так любили, вне всякого этикета. Часто, после утомительных дней приемов и маскарадов, они уезжали туда, чтобы быть вдвоем. Страстную неделю они проводили всегда в Аничковом, там и мы все готовились к исповеди и причастию.

Вспоминается мне в то время один ноябрьский вечер. Мы только что были одеты в праздничные платья, чтобы ехать в Смольный институт, где воспитанницы так называемого Белого (старшего) класса ставили балет, как пришло известие, что экипажи отказаны, Мама́ не может ехать. Испуганные, мы побежали вверх, чтобы узнать, что случилось. Камер-фрау не разрешила нам войти: «Государь читает Мама́ депеши, только что прибыл курьер из Варшавы с плохими известиями».

Это была польская революция 1830 года. За этим вечером последовала длинная, грустная зима, уход гвардейских частей и многое другое, печальное и мрачное. Вначале поляки побеждали нас, а после боев под Гроховом и Остроленкой русским войскам пришлось освободить всю польскую территорию, и только 7 сентября 1831 года они смогли снова взять Варшаву.

В наши учебные классы, в наш детский мирок проникало только слабое эхо событий. Адини и я часто болели в то время. Она страдала железамы, у меня же был коклюш, и меня отделили в моей комнате вместе с Шарлоттой Дункер. Я не смела никого видеть, но процветала переписка и обмен маленькими подарками с сестрами. Уроков не было, кроме чтения по-русски и по-английски, меня берегли, и я казалась себе очень интересной. Иной раз под вечер заходила Мама́ с Сесиль Фредерике и играла со мной в лото.

Весной пришли скверные вести с театра военных действий: эпидемия холеры в армии и смерть великого князя Константина Павловича. Мы едва знали его, я видела его всего два раза. Его голос был груб, брови щетинились, форма туго стянута в талии, отогнутые полы мундира были подбиты желтым. Он называл Мама́ «мадам Николая» и часто приводил ее в смущение своими солдатски-грубыми манерами и речами. Но его братья относились с уважением к тем двадцати годам, на которые он был старше их. Уже позднее, из рассказов его современников,

мне стала известна его личность. У него были качества полутатарского, полурусско-цивилизованного характера. По натуре добрый и великодушный, не стесненный правилами и узами морали, он поднимался иной раз до геройства, что доказывает его поведение во время пожара Москвы. Но в обыденной жизни он не мог отказаться от всяких соблазнов. Он окружал себя шутами и любил незаметно вплетать в салонные разговоры анекдоты. Похожие черты, если и не так ярко выраженные, выявлялись и у дяди Михаила Павловича. Обоим не хватало человеческого достоинства, которым в такой степени обладал Папа, той нравственной силы, которая возносит человека над самим собой.

Из оппозиции к Петербургу дядя Михаил хвалил свободную жизнь в Варшаве и прелесть и любезность польских дам, «от которых петербургским куклам нужно было только прятаться». Что же касается Константина Павловича и его пребывания в Польше, то Мама считала, что он заслужил быть повешенным, и называла его фрондером.

Портрет Великого князя Константина Павловича. Художники – Джордж Доу, Томас Райт. 1834 г.

Великий князь Константин Павлович (1779–1831) – российский цесаревич, второй сын Павла I и Марии Федоровны, считавшийся до самой смерти старшего брата Александра Павловича наследником русского престола. На протяжении 25 дней официально считался Императором и Самодержцем Всероссийским Константином I

Саша получил титул цесаревича, который оставался за Константином Павловичем, хотя он и отказался от престола. Его адъютанты поступили в распоряжение моего отца. Между ними были чужие и безродные, умные люди или просто красавцы, как, например, американец Монро или Безобразов, любимец всех дам. Вдова великого князя Константина Павловича, княгиня Лович, ангелоподобное создание, которая, казалось, только и жила для того, чтобы смягчить грубость своего мужа, была полькой и перенесла много страданий. Она бежала с ним вместе от польских инсургентов, поначалу таких удачливых, ухаживала за ним до последнего вздоха в Белостоке и приехала потом к нам в Царское Село, где родители приняли ее как сестру. Сломанная душой и телом от всего перенесенного, она не оправилась больше и скончалась как раз год спустя после революции, оплакиваемая теми немногими, в кругу которых она светила своей добротой.

Холера быстро распространялась вдоль по Волге. Ее еще не знали в Европе и думали, что можно ее сломить, как чуму, средствами дезинфекции. Как только она добралась до Петербурга, двор замкнулся в строгий карантин. Никто не имел права въезда в Петергоф. Лучшие фрукты этого особенно теплого лета выбрасывали, также салат и огурцы. Кадетские корпуса одели своих воспитанников во фланелевые блузы. Им посылались чай и вино. Мы, дети, не понимали опасности и радовались удлиненным каникулам ввиду того, что наши учителя не могли покинуть город. Папа выписал Сесиль Фредерикс с семьей из Финляндии, чтобы развлечь Маму. Она была урожденной Гуровской, ее мать, урожденная Бишофсвердер из Пруссии, выросла при дворе в Берлине. Маму знала ее со своих девичьих времен. В день ее свадьбы ее муж был произведен в адъютанты Папы, и они вместе жили в Аничковом. Почти всегда в ожидании очередного ребенка, она проводила свои вечера с Мамой, в то время как мужа занимали верховой ездой или военными разговорами. Когда Фредерикс получил полк, они должны были переселиться в одну из казарм Московского полка. Там во время бунта декабристов он был ранен, когда пытался остановить своих офицеров. Он получил сабельный удар по голове и упал замертво на землю. Сесиль все видела из окна, от испуга ей сделалось дурно. С этого дня дружба Мамы к Сесиль еще больше укрепилась, Сесиль была бесконечно предана Мамой.

Фредериксу был предначертан полнейший успех его карьеры. Он умер в чине обершталмейстера, честный человек, правда, немного ограниченный, но всегда добрый к своим подчиненным. Сесиль же была человеком особого склада. Очень красивая, с волосами цвета воронова крыла с синим отливом; слишком естественная для того, чтобы быть элегантною, с прирожденным умом, всегда готовая все воспринять. Когда ее положение подруги Мамы стало очевидным и считалось утвержденным, ей стали льстить и под нее подлаживаться. Это же полностью обрисовало ее подлинный облик. Она не позволяла себе ни покровительствовать фаворитам, ни передавать слухи, какого бы они ни были характера. Никогда она не была обременительной, хотя могла свободно входить к нам, когда хотела, и Папа и мы, дети, любили ее в одинаковой степени. Она пользовалась нашим доверием, знала о наших планах и маленьких заговорах и умела незаметно удалять нас из комнат родителей, когда мы слишком шалили. С Папой она обращалась совершенно свободно и не боялась даже строго побороть его, если считала, что он недостаточно бережет Маму и не замечает ее потребности в покое. В такие минуты он становился совсем смиренным и кающимся, покуда не начинал смеяться, схватывал Сесиль в свои объятия и раскачивал ее как ребенка. Она охотно принимала на себя обязанности дежурной фрейлины; это было единственным влиянием, которое она себе разрешала. Подрастая, мы, дети, имели в ней верного друга, такого же справедливого, как и великодушного. Для Мамы же она была долгие годы неиссякаемым источником помощи во всех обыденных делах, сочувствием ли или словом и делом. Она приходила к Мамой каждый раз, когда ее передевали к приему при Дворе, и после таких приемов она еще сама шла куда-нибудь в общество. Она уже в молодые годы бросила танцы, но ее очень любили как собеседницу. С годами и заботами, которые принесли ей ее дети, она перестала любить общество. После

смерти своего сына Димитрия она приняла православие. Этот шаг она уже давно обдумывала. Четыре ее сына были православными, и она надеялась таким образом быть ближе к душе своего любимого Димитрия.

Мама́ не разделяла взглядов Сесиль ввиду того, что не нуждалась в такой степени, как та, в утешении церкви. С тех пор посещения церкви стали помехой для ее частых визитов к нам. Богослужения и посты, исповедь и посещение монастырей – всему этому Сесиль отдавалась с жаром; это было для нее потребностью и удовлетворением, в то время как Мама́ это считала скорее святошеством и внутренне, может быть, даже осуждала. После живейших споров, которые со стороны Сесиль, может быть, были слишком упорными, с обоюдного молчаливого согласия решено было не трогать больше этих вопросов. Мы стали меньше видеться, и привычки изменились, когда обе начали прихварывать. Мама́ сохранила свой интерес к молодежи, в сущности, она, несмотря на возраст, оставалась юной и веселой. Сесиль, которая прежде, может, сильнее израсходовалась, чувствовала потребность во внутреннем покое. Прелести и развлечения ее прежней жизни истощились, и ее опустошенная душа искала покоя и поддержки. Отсюда и ее потребность к покаянию и аскетизму. Последние годы ее жизни были грустными: в семье царствовал раздор и отсутствовало внимание друг к другу. Только ее младшая дочь Маша оставалась при ней. Мучительная болезнь прекратила существование Сесиль в мае 1851 года. Она умерла христианкой и была стойкой до конца. Никто из ее детей не походил на нее.

1831 год

В то лето 1831 года, когда холера удерживала нас в Петергофе, там же поселилась семья графа Виельгорского, возвратившаяся из-за границы. Дети, три прелестные девочки и два мальчика, стали товарищами игр и впоследствии нашими хорошими друзьями. Граф Виельгорский, будучи свободным художником, объединял в своем доме всех, кто был предан искусству, русских и иностранцев, поэтов, художников и музыкантов; многие стремились в его дом потому, что там можно было слышать прекрасную музыку, или только оттого, что считалось хорошим тоном бывать у него. Все всегда находили там радушный прием. Граф был доброжелательным человеком, но несколько поверхностного образования, масон и бонвиван; он был свой как в самых изысканных салонах, так и в кругу веселящихся повес, на пиру которых он, с бокалом шампанского в руке, пел зажигательные цыганские песни у ног какой-нибудь красавицы. Прекрасно читая и декламируя, он постоянно держал Мамá в курсе современной литературы. Он умел скользить поверх предосудительных вещей.

Портрет Михаила Виельгорского. Художник – Петр Соколов. 1840-е гг. Граф Михаил Юрьевич Виельгорский (1788–1856) – русский музыкальный деятель и композитор-любитель польского происхождения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.